

Политика Турции в Центральной Азии: итоги и перспективы

Тимур В. Андрухин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
tymwrayrany11680@gmail.com

Аннотация: после распада Советского Союза с одномоментным появлением на мировой карте сразу пяти независимых и предоставленных самих себе республик в Центральной Азии турецкое руководство, уверовавшее в собственное политическое призвание объединить тюркоязычные народы под своей эгидой, развернуло широкую деятельность по насаждению в данном регионе своего влияния. Убедившись в неэффективности слишком настойчивого политического патронажа над центральноазиатскими республиками, претендующая на роль знаменосца пантюркистской идеологии и политического ислама Турецкая Республика выстроила влиятельную сеть образовательных учреждений и международных организаций, представляющих арсенал её «мягкой силы» и призванных превратить Турцию в ориентир для развития государств Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, пантюркизм, Туран, партия националистического движения, Хизмет, Фетхулла Гюлен, Саид Нурси, исламизм, Диянет, Тюрксой

Для цитирования: Андрухин Т.В. Политика Турции в Центральной Азии: итоги и перспективы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(2):126–137. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137>

Поступила 22.04.2024

Принята в печать 26.05.2024

Опубликована 30.06.2024

Turkey's policy in Central Asia: results and prospects

Timur V. Andrukhin

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia,
tymwrayrany11680@gmail.com

Abstract: After the dissolution of the Soviet Union with the immediate appearance on the world map of five independent republics in Central Asia, the Turkish government, believing in its own political calling to unite the Turkic-speaking peoples under its auspices, launched extensive activities to plant its influence in this region. Convinced of the ineffectiveness of too persistent political patronage over the Central Asian republics, the Republic of Turkey, which claims to be

the standard-bearer of pan-Turkic ideology and political Islam, has built an influential network of educational institutions and international organizations representing the arsenal of its “soft power” and designed to turn Turkey into a reference point for the development of the Central Asian states.

Keywords: Central Asia, pan-Turkism, Turan, nationalist movement party, Hizmet, Fethullah Gülen, Said Nursi, Islamism, Diyanet, Türksoy

For citation: Andrukhin T.V. Turkey’s policy in Central Asia: results and prospects. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(2):126–137. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-2-126-137>

Received 22.04.2024

Revised 26.05.2024

Published 30.06.2024

ВВЕДЕНИЕ

В свете событий последних лет (в их числе и захват в 2020 году власти в Афганистане террористическим исламским движением «Талибан», запрещённым в России) и протесты в Казахстане в январе 2022 года, приведшие к активизации ОДКБ¹) особенный фокус внимания международной политики сформировался вокруг Центральной Азии, — одного из регионов, где ещё со времён распада Советского Союза традиционно сильно влияние Турецкой Республики, претендующей на право выступать точкой сборки пантюркистского проекта.

Пантюркизм, как «агрессивная, расистская доктрина, согласно которой все народы, говорящие на тюркских языках, являются якобы одной нацией и должны объединиться под главенством Турции в единое простирающееся от Балкан до Сибири государство Туран» [1], зародился ещё в XIX веке. Одним из идейных прародителей пантюркизма был венгерский путешественник и этнограф Арминий Вамбери, совершивший в середине

1860-х гг. путешествие через Восточную Анатолию, Закавказье и Иран в Среднюю Азию с целью подтвердить собственную гипотезу о родстве венгерского языка с тюркскими языками и установить, к какой из ветвей предполагаемой урало-алтайской семьи, ныне отвергаемой в профессиональной лингвистике, относится венгерский — к «финской» или «татарской» [2].

В дальнейшем пантуранизм, имевший помимо чисто научного интереса и далеко идущую политическую подоплёку, получил широкую популярность в Венгрии и Финляндии, но совершенно по-особенному его идеи, укоренившиеся на турецкой почве и апеллирующие «уже к «тюркской общности» и созданию «Великого Турана», как государства всех тюрков, правящей силой в котором должны быть османские турки» [3], получили развитие в Османской империи в конце XIX — начале XX вв. через труды Зии Гёкальпа, Юсуфа Акчуры, Исмаила Гаспринского, Хамдуллаха Танрыовера и др. [3].

¹ Лукьянов Г., Кулиева Н., Миронов А. Политика Турции в ЦА: обоснованы ли амбиции? 4 февраля 2022 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/politika-turtsii-v-tsa-obosnovany-li-ambitsii/> (дата обращения: 14.04.2024)

Одна из самых претенциозных попыток осуществления пантюркистского проекта была предпринята правительством партии «Единение и Прогресс» (тур. *İttihat ve Terakki*) в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. Исмаил Энвер-паша, военный министр младотурецкого правительства, один из участников правящего с 1913 года триумvirата наравне с Джемалем-пашой и Талаат-пашой, ключевая фигура в организации геноцида христианских народов в Османской империи в 1915 году — армян, понтийских греков, ассирийцев, с самого начала войны эксплуатировал пантюркистские и панисламистские лозунги, рассчитывая привлечь на свою сторону мусульманских (в особенности тюркоязычных) подданных России в Закавказье и на Кавказе [4].

Несмотря на то, что кампания против Российской империи была для Османской империи совершенно безуспешной, — к середине 1916 года русские войска углубились на турецкую территорию до 250 км, заняв Эрзерум, Трапезунд, Эрзинджан, Муш [5], после Октябрьской революции, выхода России из Первой мировой войны и начала широкомасштабной гражданской войны, в условиях безвластия и хаоса в Закавказье, Османская империя силами «Кавказской исламской армии» под командованием Нури-паши (родного брата Энвера-паши) организовала интервенцию в Азербайджан, и при поддержке местной националистической партии «Мусават» уже в сентябре 1918 года турецкие войска оккупировали Баку и даже Дербент [6]. Только произошедшее вскоре поражение Османской империи в Первой мировой войне, стоившее ей не только утраты занятых территорий в Закавказье, но и всех своих прежних владений на Ближнем Востоке, окончательно поставило крест на пантюркистских авантюрах младотурецкого правительства [4].

Последовавшая за этим долгая и напряжённая национально-освободительная война, которую турецкий народ вёл под руководством Мустафы Кемала Ататюрка в 1919–1922 гг. для недопущения разделения последних оставшихся османских территорий по условиям Севрского договора, привела правительство новой Турецкой Республики к принципиальному отказу от чрезмерно амбициозных инициатив, вроде пантюркизма и панисламизма, сосредоточившись на мирном сосуществовании с соседними государствами [7].

В свою очередь, подавление местечкового буржуазного национализма в Советском Союзе (характерный пример — процесс над председателем ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимовым 1928 года) также привело к угасанию какого-либо пантюркистского нарратива: «прекратился обмен печатными произведениями между тюрками России и тюрками Турции, порвалась также всякая идейная связь между турецкими племенами самой России» [8].

Второе рождение пантюркистской идеологии произошло в Турции во время Второй мировой войны, к тому же повестка пантюркизма не без успеха использовалась Третьим Рейхом в борьбе с Советским Союзом (уместно вспомнить о таких формированиях Вермахта, набранных из советских коллаборационистов, как Туркестанский легион, Азербайджанский легион, легион Идель-Урал, а также Восточно-тюркское соединение СС, боевая группа «Крым» и пр. — всего службу в коллаборационистских формированиях Нацистской Германии прошло около 300 тыс. мусульман-граждан СССР, из которых около 180 тыс. — выходцы из Средней Азии и Казахстана [9]), а сама Турецкая Республика, сохранявшая дружественные отношения с Германией, вплоть до разгрома немцев

под Сталинградом в начале 1943 года имела все шансы напасть на Советский Союз [10], на границе с которым она содержала 26 развёрнутых дивизий, в случае его поражения [11].

Предвкусение гибели Советского Союза и олицетворяемой им идеологии коммунизма, которую сам основатель Турецкой Республики Мустафа Кемаль Ататюрк якобы характеризовал как «самого большого врага тюркского мира» (тур. *Türk âleminin en büyük düşmanı*)², заставило активизироваться турецкие пантюркистские круги. Так, например, уже летом 1941 года с нескрываемым восторгом от поражений советских войск журнал «Бозкурт», редактором которого был турецкий расист Реха Огуз Тюрккан³, выпустил карту «Великой Турции», территориально распространявшейся на Северный и Южный Кавказ, Крым, Поволжье, Среднюю Азию и Сибирь [12].

Активность пантюркистов и расистов не встречала никаких препятствий со стороны турецкого правительства вплоть до мая 1944 года, когда ввиду наметившегося крушения Третьего Рейха и краха последних надежд на поражение Советского Союза власти Турции поспешно свернули деятельность туранистов и показательно осудили наиболее видных их представителей — Ахмеда Заки Валиди, Нихаля Атсыза, Альпарслана Тюркеша, Реха Огуза Тюрккана и др. Тем не менее, уже через пару-тройку лет все участники «процесса расистов-туранистов» были оправданы [8].

В последующие десятилетия главным выразителем пантюркистских идей в Турции стала неофашистская

«Партия националистического движения» (тур. *Milliyetçi Hareket Partisi*), созданная в 1969 году вышеупомянутым Альпарсланом Тюркешем, активным агентом структур НАТО [13]. В 1970-е гг. пантюркисты во главе с Тюркешем, равно как и исламистская «Партия национального спасения» (тур. *Millî Selâmet Partisi*) Ниджметтина Эрбакана, занимали крайне правый фланг в политической жизни Турции и вели ожесточённую борьбу против коммунистического, рабочего движения и курдского сепаратизма в стране, включая насильственные и террористические методы [7].

Даже государственный переворот 1980 года в Турции, после которого был формально установлен запрет на деятельность «Партии националистического действия», а её вождь (тур. *başbuğ*) Альпарслан Тюркеш был осуждён, не оказал существенного влияния на деятельность пантюркистов, — уже в середине 1980-х гг. Тюркеш вышел на свободу, а его партия, переименованная в «Националистическую партию труда» (тур. *Milliyetçi Çalışma Partisi*), вновь продолжила свою работу [3], и уже в 1991 году Тюркеш был избран в Великое национальное собрание Турции, а его партии было возвращено прежнее название⁴.

ТУРЦИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ПОСЛЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Распад Советского Союза и образование нескольких национальных тюркских республик в Центральной Азии на рубеже 1980–1990-х гг. создали у турецких правящих кругов уверенность в возможности воспользоваться историческим шансом

² Komünizm Türk Dünyasının En Büyük Düşmanıdır Her Görüldüğü Yerde Ezilmelidir. 4 декабря 2019 г. URL: <https://vk.cc/cwbK0L> (дата обращения: 14.04.2024)

³ Reha Oğuz Türkan. URL: <https://www.biyografya.com/biyografi/15854> (дата обращения: 14.04.2024).

⁴ Türk dünyasının bilge lideri. Türk milliyetçiliğinin kurucusu. Başbuğ Alparslan Türkeş'in hayatı. URL: https://www.mhp.org.tr/htmldocs/basbug/hayati/mhp/basbugumuzun_hayati.html (дата обращения: 14.04.2024)

распространить в этом регионе, равно как и в Закавказье, своё влияние, приблизив воплощение в жизнь давних пантюркистских амбиций [3]. К тому же в этом стремлении Турция встречала поддержку со стороны США, Великобритании и НАТО, видевших в этом возможность не только продвинуть собственные интересы в данном регионе через посредство своего турецкого союзника, но и обезопасить себя от «экспорта исламской революции» в Центральную Азию со стороны Ирана⁵.

Признав в середине декабря 1991 года среди первых независимость среднеазиатских республик, Турция сразу же стала прикладывать усилия по расширению собственного присутствия в Центральной Азии. Одним из самых деятельных сторонников данного вектора был Сулейман Демирель, крупнейший турецкий политический деятель второй половины XX века, многолетний премьер-министр, а затем — президент Турции в 1993–2000 гг., по мысли которого, первоначальной задачей турецкой внешней политике после краха «советской империи» было обеспечить независимость среднеазиатских республик, моделью развития которых должна была стать Турецкая Республика⁶. Подобного мнения придерживался и предшественник Демиреля на посту президента Турции Тургут Озал (1989–1993 гг.): «главные надежды среднеазиатских государств бывшего СССР связаны с возможностью последовать примеру Турции в том, что касается государственного устройства» [3].

Однако Сулейман Демирель пошёл ещё дальше, решив окончательно взять под опеку едва ставшие независимыми центральноазиатские республики, предложив им проекты национальных конституций, разработанные в Турции, а также выйти из рублёвой зоны. Уже весной 1992 года Демирель, сопровождаемый выше упомянутым Альпарсланом Тюркешем, в статусе премьер-министра Турции прибыл с официальным визитом в страны Центральной Азии [14], пообещав выдать республикам кредит в 1 млрд. долл. (чего впоследствии сделано так и не было)⁷. Перед этим в январе того же года было учреждено Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (тур. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Başkanlığı — TİKA), ориентированное в первую очередь на контакт со странами Центральной Азии и Закавказья⁸. Уже тогда целый ряд лидеров республик Центральной Азии (Н. Назарбаев, И. Каримов и др.) высказывался о теоретической возможности формирования союза тюркских народов [14].

Было положено начало привлечению тысяч студентов из республик Центральной Азии на обучение в Турцию, в центральноазиатских государствах стали открываться первые школы турецкого движения «Хизмет» (тур. Hizmet — служение) Фетхуллаха Гюлена с очень особенным акцентом на преподавании ислама (в особенности трудов радикального мыслителя Бадруззамана Саида Нурси)⁹ [15]. В 1993 году при участии министров

⁵ Лазович М. Турецкий султан в постсоветской Центральной Азии: военно-политический и культурологический аспекты. 3 июня 2018 г. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/milan-lazovich/turetskiy-sultan-v-postsovetской-centralnoy-azii-voennopoliticheskiy/> (дата обращения: 15.04.2024)

⁶ Demirel'in Orta Asya planı. 27 июля 1998 г. URL: <https://www.milliyet.com.tr/dunya/demirelin-orta-asya-planı-5351059> (дата обращения: 15.04.2024)

⁷ Türkiye'nin Orta Asya Politikası Eksiklikler ve Öneriler. 22 Апреля 2022 г. URL: <https://www.tuicakademi.org/turkiyenin-orta-asya-politikasi-eksiklikler-ve-oneriler/> (дата обращения: 15.04.2024)

⁸ Tarihçe. TİKA'nın Tarihi. URL: <https://tika.gov.tr/kurumumuz/tarihce/> (дата обращения: 15.04.2024)

⁹ Школы Хизмет. 2 сентября 2022 г. URL: <https://gulenmedia.com/?p=1802> (дата обращения: 15.04.2024)

культуры Турции, Азербайджана, Туркменистана, Узбекистана, Киргизии и Казахстана была создана Международная организация тюркской культуры (тур. Uluslararası Türk Kültürü Teşkilatı) TÜRKSOY¹⁰. Тем не менее, столь поспешная и однозначная ориентация Турции на Центральную Азию в 1990-х гг. далеко не всеми воспринималась однозначно позитивно. О многовекторности турецкого политического истеблишмента, внутри которого действуют как модернисты-западники, как исламисты, так и националисты, достаточно красноречиво высказывался Збигнев Бжезинский, делавший особенный акцент на последних: «обращённые к истории националисты видят новое предназначение тюркских народов бассейна Каспийского моря и Средней Азии в регионе, где доминирует Турция» [7].

К тому же отнюдь не во всём республике Центральной Азии были единодушны с Турцией: никто из них не выражал готовность вступить в какую-либо организацию с наднациональными полномочиями или сформировать единое беспопытное рыночное пространство, известную трудность представляли позиция Турции по Нагорному Карабаху и международный статус Турецкой Республики Северного Кипра [14]. Не нашло воплощения строительство транскаспийского газопровода из Туркменистана в Турцию в связи с заключением долгосрочного газового контракта Турции с Россией, за которым последовало строительство газопровода «Голубой поток» в Чёрном море¹¹ [16].

Наконец, к концу 1990-х гг. прежний оптимизм, который питало турецкое руководство относительно будущего союза тюркских государств, однозначно шёл

на понижение. Успешными и многообещающими выглядели отношения Турции с республиками Центральной Азии в плане торговли, образования и культуры, но существенного политического влияния на данные страны Турция установить не смогла и «фактически смирилась с весьма ограниченной политической ролью в центральноазиатском регионе в целом» [14].

ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Приход к власти в 2002 году «Партии справедливости и развития» во главе с премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом стал знаменательным событием не только в новейшей истории Турции, но и в её отношениях с Центральной Азией. Несмотря на то, что с самого начала новое правительство было настроено вполне проевропейски и не проявляло специфических признаков консервативной, исламистской и тем более неоосманистской ориентации, именно в 2000-е годы Турция, переосмыслив свою политику в отношении Центральной Азии, как никогда прежде интенсифицировала продвижение собственных интересов в данном регионе [17].

Осознав маловероятность осуществления пантюркистских проектов в политической плоскости на уровне межгосударственных отношений после слишком преждевременных и настойчивых шагов в 1990-х гг., Турция сделала ставку на расширение сети собственных международных организаций. Вдобавок к вышеупомянутым «Тюрксою» и Турецкому агентству по сотрудничеству и координации, арсенал «мягкой силы» Турции пополнился Организацией тюркских государств

¹⁰ Tarihçe. Türksoy. Uluslararası Türk Kültürü Teşkilatı. URL: <https://www.turksoy.org/tarihce> (дата обращения: 15.04.2024)

¹¹ Россия договорилась с Турцией по газу до 2025 года. 28 декабря 2011 г. URL: <https://www.bfm.ru/news/166040> (дата обращения: 15.04.2024)

(тур. Türk Devletleri Teşkilatı; до 2021 г. — Тюркский совет, тур. Türk Keneşi), Парламентской ассамблеи тюркских государств (тур. Türk Devletleri Parlamenter Asamblesi), Тюркской академией (тур. Türk Akademisi), Институтом Юнуса Эмре (тур. Yunus Emre Enstitüsü) и пр. [18].

Активность в регионе проявляет турецкое Управление по делам религии (тур. Diyanet İşleri Başkanlığı), также известное как «Диянет», не только участвующее в строительстве мечетей в Центральной Азии, но и занимающееся подготовкой местного исламского духовенства [19]. Постройка новых мечетей стала в некотором роде вопросом престижа и борьбы за умонастроения в регионе не только для Турции, но и для Саудовской Аравии, Катар, ОАЭ, Ирана и т.д. Одним из самых показательных шагов в турецкой «дипломатии мечетей» стало строительство крупнейшей в Центральной Азии мечети, выполненной в традиционном османском стиле, в столице Киргизии Бишкеке в 2018 году¹².

Отдельной стороной турецкой «мягкой силы» в Центральной Азии являлась деятельность движения «Хизмет», возглавляемого проповедником Фетхуллахом Гюленом. Как было отмечено выше, сеть лицеев и школ, курируемых данным движением, делает особенный акцент на преподавании ислама через призму трудов мыслителя Бадиуззамана Саида Нурси. Взгляды Нурси, изложенные в его труде, тафсире (комментарии) на Коран «Рисале-и Нур» (тур. Risale-i Nur — послание света; отдельные главы книги

запрещены в России¹³), разделяемые сообществом его последователей «Нурджулар» (тур. Nurcular — сторонники света; организация запрещена в России¹⁴) имеют широкую базу не только в Турции, где количество «нурсистов» оценивается от 2 до 6 миллионов¹⁵, но и внутри исламистского подполья внутри России и в странах Центральной Азии.

Крупнейшей площадкой популяризации радикальных взглядов Нурси является именно движение «Хизмет» и сеть её образовательных учреждений по всему миру [20]. Позиционируя себя школами с светским образованием, в действительности гюленовские лица исподволь внедряют в сознание своих студентов очень конкретные религиозные идеи [15]. Дело в том, что как таковое учение Саида Нурси, сформировавшего вокруг себя при жизни тарикат-братство, во много принимавший сектантские очертания, предполагает активный прозелитизм: сакральной обязанностью нурсистов является пропаганда даже не столько Корана, сколько именно труда своего мушрида-наставника «Рисале-и Нур». Их конечной целью являются ниспровержение светских государств и установление шариата и мусульманского господства во всём мире [20].

С 1990-х гг. сеть лицеев и школ Фетхуллаха Гюлена, ученика и проводника идей Саида Нурси [20], раскинулась по всем центральноазиатским республикам: в Узбекистане было открыто 65 школ, в Казахстане — 36, в Киргизии — 25, в Туркменистане — 14, в Таджикистане — только 7 (что, по видимому, обуславливается тем, что большая

¹² Икромов Ш. Дипломатия мечетей в Центральной Азии: геополитика, начинающаяся с михраба. 3 декабря 2020 г. URL: <https://www.caa-network.org/archives/21135> (дата обращения: 15.04.2024)

¹³ Пропаганда исключительности и превосходства. 7 февраля 2013 г. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/02/07/4956313.shtml?updated> (дата обращения: 16.04.2024)

¹⁴ Суд Калининграда признал экстремистскими тексты богослова Нурси. 6 февраля 2013 г. URL: <https://ria.ru/20130206/921597383.html> (дата обращения: 16.04.2024)

¹⁵ Hakan Yavuz M. Towards an Islamic Liberalism?: The Nurcu Movement and Fethullah Gülen. URL: <https://www.jstor.org/stable/4329392> (дата обращения: 16.04.2024)

часть населения этой страны не относится к тюркской языковой группе). Однако на сегодняшний день после появления определённых подозрений, что турецкие лица могут пропагандировать исламистскую и пантюркистскую повестку, их деятельность было радикально сокращена в Узбекистане и Туркменистане. В настоящий момент работу гюленовских школ сохраняется главным образом в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане [21].

Деятельность школ движения «Хизмет» в Центральной Азии продолжается даже несмотря на запрет движения в самой Турции после попытки государственного переворота в июле 2016 года, в котором правительство Р.Т. Эрдогана обвинило Фетхуллаха Гюлена, однако прерогатива перевоспитания центральноазиатской молодёжи и пропаганды ислама в её среде в дальнейшем была поручена структурам «Диянет» [18].

ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Испытав второе рождение во второй половине XX века при активном участии неонацистской «Партии националистического движения», за которой стояли структуры НАТО (операция «Контргерилья»), в условиях жесточайшей борьбы с левыми, рабочими, профсоюзными деятелями и курдским национально-освободительным движением внутри Турции [13], пантюркистские амбиции получили полный карт-бланш в турецкой внешней политике в отношении постсоветской Центральной Азии. Однако потерпев неудачу при попытках установить чрезмерно настойчивую «опеку» над новыми республиками в 1990-х гг., Турция, которая никогда не отказывалась от своего «явного

преднамерения» выступать точкой сборки тюркоязычных народов, начала претворять свои замыслы через исключительно широкий инструментарий «мягкой силы»: от строительства мечетей и религиозных школ до международных организаций типа «Тюрксоя» [17].

Однако у намерений Турции существует масса препятствий: с одной стороны, это деятельность других государств, в образ будущего которых не вкладывается турецкое (следовательно, и американское) господство в Центральной Азии, — Россия, Китай, Иран; а с другой стороны, и национальные интересы самих республик Центральной Азии, которые и без того достаточно осторожно относятся попечительству «старшего брата» в лице Турции [22].

К тому же между анатолийскими турками и такими народами Центральной Азии, как узбеки, уйгуры, каракалпаки, казахи, киргизы и пр. существуют достаточно существенные отличия, в том числе на расово-антропологическом или языковом уровне: турецкий язык принадлежит к огузской ветви тюркской языковой семьи (равно как туркменский и азербайджанский), в то время как узбекский и уйгурский относятся к карлукской ветви, а казахский, каракалпакский и киргизский — к кыпчакской¹⁶. Языки, разделённые друг между другом на тысячи километров и сотни лет исторической изоляции, неизбежно накопили груз принципиальных различий (например, лексика киргизского и турецкого языков совпадает не более чем, на 1/6 [23]), в то время как турецкое видение пантюркизма (Зия Гёкальп, Нихаль Атсыз, Альпарслан Тюркеш и др.) в конечном счёте предполагает «отуречивание» всех других тюркских народов [22].

¹⁶ Гаджиева Н.З. Отдельные классификации тюркских языков. URL: <https://vk.cc/cwhmId> (дата обращения: 18.04.2024)

Все страны Центральной Азии в той или иной степени имеют собственное представление о своей роли в своём регионе и в мире в целом. Показателен пример Казахстана, который, несмотря на достаточно активное сотрудничество с Турцией в экономической и военной сфере [1], имеет далеко идущие планы в контексте евразийской интеграции, получившей начало ещё середине 1990-х гг. в правление Н.А. Назарбаева, предполагавшего, что «интеграционный центр общего пространства будет смещён от России и в Казахстан, который географически и логистически является ядром Евразии» [24].

С большим беспокойством за ростом влияния Турции в Центральной Азии наблюдают и такие страны, как Россия или КНР. Проникновение пантюркистских и исламистских идей через посредство «мягкой силы» Турции в регион может не только сформировать здесь очаги деструктивных политических и религиозных течений, направленных против России и русского населения, но и, самое главное, обернуться ещё большим притоком в Россию многотысячных масс мигрантов, исповедующих разрушительный для нашей страны радикальные исламистские и пантюркистские идеи, чем мы имеем теперь [25].

В свою очередь, для Китая претворение в жизнь каких-либо пантюркистских проектов в Центральной Азии равнозначно угрозе его собственной территориальной целостности ввиду сепаратистской активности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Ключевой силой, добивающейся отделения Синьцзяна от Китая, является террористическая организация «Исламское движение Восточного Туркестана», которое, несмотря на запрещённый статус

в Турции¹⁷, принимало участие в гражданской войне в Сирии на стороне «Джабхат ан-Нусры» (запрещена в РФ) при турецкой поддержке¹⁸. Сам президент Турции Р.Т. Эрдоган не единожды критиковал Китай за политику в отношении уйгуров и даже характеризовал её как «геноцид» [25] (даже при том что численность уйгуров в Китае за последние 20 лет выросла в полтора раза — с 8 до 12 млн. чел. [26]). В конечном счёте, рост влияния Турции в Центральной Азии, играющий на руку геополитическим интересам США, напрямую может угрожать будущему китайского проекта «Один пояс — один путь» [27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, перспективы Турции в Центральной Азии в настоящее время не имеют видимости однозначно благоприятного для неё исхода, подразумевавшего бы появление некоей конфедерации тюркских государств, если не сказать больше. Последовательная информационная политика Турции, культивирующая идеи тюркского и мусульманского единства с народами Центральной Азии, вместе с сетью своих международных организаций и образовательных заведений создаёт впечатление очень амбициозного проекта, который, однако, на сегодняшний день так и не привёл к каким-либо существенным подвижкам в построении «туранского государства» [3], а учитывая реальную степень зависимости республик Центральной Азии, выраженную, например, в их исключительно высокой задолженности перед Китаем [28], становится очевидно, что Турция не обладает ресурсом определять политическую повестку в данном регионе.

¹⁷ Turkey lists «E. Turkestan Islamic Movement» as terrorists. August 03, 2017. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/0803/c90883-9250745.html> (дата обращения: 18.04.2024)

¹⁸ China's proxy war in Syria: Revealing the role of Uighur fighters. URL: <https://vk.cc/cwhuRo> (дата обращения: 18.04.2024)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Матюхин А.В., Давыдова Ю.А., Каргаполова Е.В. Казахстан: векторы внешней политики. *Социально-гуманитарные знания*. 2022;2:283-796.
2. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН; 2003. С. 18.
3. Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. Москва: Издательство «Русская панорама»; 2017. С. 48-248.
4. Роган Ю. Падение Османской империи. Первая мировая война на Ближнем Востоке, 1914-1920 гг. Москва: Альпина нон-фикшн. 2018. С. 143-463.
5. Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914-1917): 1916 год. Сверхнапряжение. Москва: Кучково поле; Военная книга; 2015. С. 111.
6. Киреев Н.Г. История Турции XX век. Москва: ИВ РАН: Крафт+; 2007. С. 110.
7. Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX-XXI вв. Москва: Издатель Воробьев А.В.; 2019. С. 8-161.
8. Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. Казань: Издательство «Иман»; 2002. С. 23-175.
9. Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. Москва: Издательство «АСТ»; 2004. С. 229-232.
10. Марковчин В.В. В судорожных поисках союзников: Гитлер и Турция. *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2019;№3(18):108-109.
11. Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. Москва: Квадринга; 2017. С. 199.
12. Кандакчян Р.П. Внутренняя политика Турции в годы Второй мировой войны. Ереван: издательство Академии наук Армянской ССР; 1978. С. 173
13. Fernandes D., Özden İ. United States and NATO inspired 'psychological warfare operations' against the 'Kurdish communist threat' in Turkey. *Variant*. 2001;2(12):10-12.
14. Троицкий Е.Ф. Политика Турции в Центральной Азии (1992-2000 гг.). *Вестник Томского Государственного университета*. 2009;328:84-87.
15. Киреев Н.Г. Исламо-турецкий синтез в государственной идеологии Турции. *Россия и мусульманский мир*. 2016;12(294):71-114.
16. Аватков В.А. Внешняя политика Турции. 2002-2018. Москва: Издательство «Юрайт»; 2019. С. 1357
17. Грозин А.В. Политика Турции в постсоветской Азии: походы, институты, перспективы. *Постсоветский материк*. 2021;2(30):109-110.
18. Gümüş B. Diyanet işleri başkanlığı'nın Orta Asya faaliyetleri. *Sosyal ve beşeri bilimleri dergisi*. 2010;2(1):30-37.
19. Излученко Т.В. Богословие Саида Нурси как идеологическая основа российского исламизма. *Философия права*. 2015;4(71):5.
20. Цыбенко В.В. Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси (Нурджулар). *Сектоведение*. 2014;4:108-115.
21. Хасанов А. Турецкие лицеи в Таджикистане. *Евразийский Союз Учёных*. 2014;8:107-108.
22. Васильева С.А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность. *Социум и власть*. 2011;3(31):76-77.
23. Жумакунова Г. Сходства и различия между тюркскими языками и сопоставительные методы в обучении. *Новые исследования Тувы*. 2018;1:108.
24. Кабазиев М.Ш. Идея евразийства в контексте конструирования политической идентичности современного Казахстана и её институциональное воплощение. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2023;1(74):70.
25. Бяуров Д.В. Некоторые аспекты политической деятельности Рабии Кадыр — видного

деятеля уйгурского национального движения. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015;7(7):40-44.

26. Сулейманов Р.Р. Мигранты и их роль в распространении радикальных течений ислама в России: причины, проявления и последствия. *Мусульманский мир*. 2014;2:89.

27. Цзяньган В. Современная демографическая политика Китая на примере Синьцзян-Уйгурского автономного района. *Социология*. 2017;2:556.

28. Вавилов Н.Н. Китайская власть. Москва: Товарищество научных изданий КМК; 2021. С. 25

REFERENCES:

1. Matyukhin A.V., Davydova Yu.A., Kargapolova E.V. Kazakhstan: vectors of foreign policy. *Social and humanitarian knowledge*. 2022;2:283-796 (In Russ).
2. Vambéry A. Traveling through Central Asia. Moscow: Publishing company "Oriental Literature" RAS; 2003. P. 18. (In Russ).
3. Nadein-Raevsky V.A. Pan-Turkism: ideology, history, politics. Expansionist doctrine: from the Ottoman Empire to the present day and the fate of Turkey, Russia and Armenia. Moscow: Russian Panorama Publishing House; 2017. 48-248 p. (In Russ).
4. Rogan Y. The Fall of the Ottoman Empire. First World War in the Middle East, 1914-1920. Moscow: Alpina non-fiction; 2018. 143-463 p. (In Russ).
5. Airapetov O.R. Participation of the Russian Empire in the First World War (1914-1917): 1916. Supertension. Moscow: Kuchkovo pole; War book; 2015. P. 111. (In Russ).
6. Kireev N.G. History of Turkey XX century. Moscow: IV RAS: Kraft+; 2007. P. 110. (In Russ).
7. Ivanova I.I. The evolution of the Middle East policy of the Turkish Republic in the XX-XXI centuries. Moscow: Publisher Vorobyov A.V.; 2019. 8-161 p. (In Russ).
8. Arsharuni A., Gabidullin H. Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia. Kazan: Iman Publishing House; 2002. 23-175 p. (In Russ).
9. Romanko O.V. Muslim legions in the Second World War. Moscow: AST Publishing House; 2004. 229-232 p. (In Russ).
10. Markovchin V.V. In a frantic search for allies: Hitler and Türkiye. *Journal of Russian and East European Historical Research*. 2019;№3(18):108-109. (In Russ).
11. Ereemeev D.E. History of the Turkish Republic from 1918 to the present day. Moscow: Quadringa; 2017. P. 199. (In Russ).
12. Kandakchyan R.P. Internal policy of Turkey during the Second World War. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR; 1978. P. 173. (In Russ).
13. Fernandes D., Özden I. United States and NATO inspired 'psychological warfare operations' against the 'Kurdish communist threat' in Turkey. *Variant*. – 2001;2(12):10-12.
14. Troitsky E.F. Turkey's policy in Central Asia (1992-2000). *Bulletin of Tomsk State University*. 2009;328:84-87. (In Russ)
15. Kireev N.G. Islamic-Turkish synthesis in the state ideology of Turkey. *Russia and the Muslim world*. 2016;12(294):71-114. (In Russ)
16. Avatkov V.A. Foreign policy of Turkey. 2002-2018: textbook for universities. Moscow: Publishing house "Urayt"; 2019. P. 1357. (In Russ)
17. Grozin A.V. Turkey's policy in post-Soviet Asia: campaigns, institutions, prospects. *Post-Soviet continent*. 2021;2(30):109-110. (In Russ)
18. Gümüş B. Diyanet işleri başkanlığı'nın Orta Asya faaliyetleri. *Sosyal ve beşeri bilimleri dergisi*. 2010;2(1):30-37. (In Turk.)
19. Izluchenko T.V. Theology of Said Nursi as the ideological basis of Russian Islamism. *Philosophy of Law*. 2015;4(71):5. (In Russ).

20. Tsybenko V.V. The main features of the activities of the followers of Said Nursi (Nurcular). *Sectology*. 2014;4:108-115. (In Russ).
21. Khasanov A. Turkish lyceums in Tajikistan. *Eurasian Union of Scientists*. 2014;8:107-108. (In Russ).
22. Vasilyeva S.A. Pan-Turkism at the present stage: theoretical basis and practical activity. *Society and power*. 2011;3(31):76-77. (In Russ).
23. Zhumakunova G. Similarities and differences between Turkic languages and comparative methods in teaching. *New studies of Tuva*. 2018;1:108. (In Russ).
24. Kabaziev M.Sh. The idea of Eurasianism in the context of constructing the political identity of modern Kazakhstan and its institutional implementation. Caspian region: politics, economics, culture. 2023;1(74):70. (In Russ).
25. Byaurov D.V. Some aspects of the political activity of Rabia Kadyr, a prominent figure in the Uyghur national movement. *Historical and social-educational thought*. 2015;7(7):40-44. (In Russ).
26. Suleymanov R.R. Migrants and their role in the spread of radical movements of Islam in Russia: causes, manifestations and consequences. *Muslim World*. 2014;2:89. (In Russ).
27. Jiangang V. Modern demographic policy of China using the example of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region. *Sociology*. 2017;2:556. (In Russ).
28. Vavilov N.N. Chinese power. Moscow: Partnership of scientific publications KMK; 2021. P. 25. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тимур В. Андрухин, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
tymwrayrany11680@gmail.com

Timur V. Andrukhin, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow. Russia; bld. 6, Mikluho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia;
tymwrayrany11680@gmail.com